

Женевьева Александрова
Александрия Одинцова

Угнетенные: Любег

Женевьева Александрова

Угнетенные: Побег

«Издательские решения»

Александрова Ж.

Угнетенные: Побег / Ж. Александрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855388-2

Что стало с тобой, Земля?! Настала эра жестокости, аморальности, боли, смерти. Пришла Колония. Много лет назад политики и самые состоятельные люди планеты покинули Землю навсегда. Когда-нибудь задумывались, что произойдет, если наука приведет нас к апокалипсису? И что же будет после него? Представьте, что будет, если мир будет двигаться по заданному нами курсу. Какое будущее нас может ожидать? Мы пофантазировали над этим и пришли к такому выводу. Увидьте, что твориться в нашем мире. Страшно...

ISBN 978-5-44-855388-2

© Александрова Ж.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 М. Робканов – Побег	7
Глава 2	9
Глава 3 Ludovico Einaudi – Petricor	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	27
Глава 14 Olafur Arnalds —Not Alone	28
Глава 15	30
Глава 16	31
Глава 17	33
Глава 18	36
Глава 19	38
Глава 20. Olafur Arnalds – Broken	39
Глава 21	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Угнетенные: Побег

Женевьева Александрова Александрия Одинцова

Фотограф Мария Жукова

© Женевьева Александрова, 2017

© Александрия Одинцова, 2017

© Мария Жукова, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-5388-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Привет, читатель! Ты можешь найти нас:

id410703253 Женевьева Александрова

id406396619 Александрия Одинцова

А также в официальной группе Вконтакте:

Трилогия «Угнетенные»

Мы оставили для вас в своих аудиозаписях список произведений с указанием их названий в самой книге для еще более приятного чтения.

И вот еще что!

Мы зашифровали нецензурную брань ***, полагаясь на вашу фантазию в меру индивидуальной испорченности;)

«Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?
Одна просторная —
Дорога торная,
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазну жадная,
Идет толпа.
О жизни искренней,
О цели выпрерней
Там мысль смешна.
Кипит там вечная
Бесчеловечная
Вражда-война
За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.
На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая

К добру глуха.
Другая – тесная
Дорога, честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд
За обойденного,
За угнетенного-
По их стопам
Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Будь первый там!»

Н. А. Некрасов.

Книга посвящается вам.
Оглянитесь...

Глава 1 М. Робканов – Побег

Это письмо новой разумной расе. Я пишу его с целью предостеречь вас от нашей ошибки. Меня зовут Акáсра. Хочу поведать вам историю нашей планеты Земля. За 100 лет до моего рождения произошел огромный переворот.

Шел 2548 год. Мир с 21 века очень сильно изменился. С научно-развивающейся, мечтающей и мирно живущей, планета превратилась в серый камень без цели, интереса и всякой духовности. Частые войны на востоке, высокий скачок в науке, агрессии – все вело ко дну. Отношение правительств резко ухудшилось. Корреспонденты давали ложные новости. Все корпорации новостей превратились в скопление клеветников, которые соревновались между собой, кто навевает больше шума, который обратиться в сильные беспорядки среди жителей.

Люди стали неуправляемыми. На улицах творился хаос. Политика государств сильно устарела. Народы забыли религии, давно сожгли священные книги и перестали бояться совершать грешные поступки. Они словно обезумели, для них не существовали нормы правил и поведения. Мораль, вежливое отношение, почитание старших – все хорошее, что характеризовало человека, как «существо разумное», ушло бесследно. Человек совсем иссяк из этих существ. Наступил рассвет жестокости, ужаса, пошлости, разврата и нравственной деградации.

Наука достигла высоких вершин, поэтому этим грешным существам ничего не стоило убить себе подобного. Они могли изменить свою внешность до неузнаваемости, изменить свои данные. Да и этого не требовалось. Всех людей без исключения можно было подкупить. Все они стали продажными и гнилыми. Готовы были даже единую, светлую и добрую душу заглотить в свой мир – мир наркотиков и аморальных поступков. Даже животные, обитавшие в городах, переселились далеко в глубокие леса. Некоторые государства не могли ничего предпринять и объявляли о приближающемся конце света, другие ужесточали законы и ущемляли права, но от этого стало еще хуже. Ситуация накалилась. Все стало словно в жаровне. Между молотом и наковальней...

Правительство хотело устроить рай на земле, скорее получилось все наоборот. Человек – существо биосоциальное и в нем не подавлены животные инстинкты. Все произошло ровно так, как и в опыте, проводимом с грызунами, Вселенная 25 Джона Кэлхуна. Правительства разных стран мира и высшие чины заказали ученым космический круиз, так называемое искусственное место обитания людей в космосе. После того как все стало готово, они собрались и улетели. Все это произошло в тайне, народу сообщили, что на всемирном собрании произошла катастрофа, после которой никто не остался в живых. Не позаботившись о будущем, правительство отдыхало, а тем временем на родной планете происходили колоссальные изменения. Люди взбунтовали, и под этим гнетом ближние люди к властям всех стран объединились и создали единый аппарат власти, соединив все страны мира. Их целью было умиротворить и подчинить всех людей под одну систему.

Первыми власть подчинила к себе ученых, построив им город, защищенный электромагнитными границами. Все умы мира работали на власть. Они создавали психотропные вещества, оружия и трудились над бессмертием. Сначала генетическая и биологическая инженерия научилась выращивать любой орган, в дальнейшем ученые изобрели сыворотку, продлевающую жизнь. Психотропные вещества добавляли в пищу, напитки, воду, одежду, медикаменты и рассеивали в воздухе, также создавали зомбирующие видеоролики. Все это создавалось для обычных жителей для их подчинения. В особо горячих точках действовала особая группа ученых – суперагентов. Они прилетали на вертолетах в места военных и террористических действий, сбрасывали шашки с усыпляющим газом, далее ученые спускались по веревке и каждому человеку вставляли в голову чип. Впрочем, они жили не лучшие трудя-

щихся. Ученому давали привилегии, сроком на месяц, если он изобретет что-то полезное для правительства.

Тем временем в другой части мира жила остальная часть общества, где были собраны все, кроме ученых. Это были трудящиеся. К ним относилась и я. Меня зовут Акасра Донья, моя фамилия далась мне с рождения, впрочем, как и всем. В этом нет ничего особенного, но при смене властей каждому человеку выдали персональное число, поэтому фамилия утратила свое предназначение. Мое число... это число... Не хочу вспоминать его, оно вызывает у меня плохие воспоминания о прошлом.

«Трыкххххх» – упала ручка. – Бум!

– Ааай! Моя голова! Кружиться... Датчик гравитации!

Глава 2

Моя семья!.. Как же я давно их не видела. Мама, папа, бабушка, Элли! Где вы? Мне так плохо! Где же вы?! Что с вами? Что со мной? Как я оказалась в этой крошечной темноте?

И как же болит голова! Интересно, есть ли тут аптечка. Хотя... что за глупость? Эта капсула рассчитана на пятнадцать суток. Сейчас я лежу на холодном и железном полу, не понимая где я. Это уже не космос... а что-то другое, что находится вне его самого. Об этом, возможно, могут знать только ученые, Леджер и Доминик. Перед глазами вспоминается весь мой пройденный путь. Его начало и, похоже, конец...

Что же происходит там, где находятся мои любимые люди?! Никогда не думала, что стану им обузой. Как я могла быть настолько неосторожной?!

Сильно зажмуриваю глаза и вижу улыбающееся лицо моей бабушки Кэтрин. Она очень веселая и милая, быстрая и шустрая. Седые локоны с прядями еще не поседевших волос золотистого цвета. Зеленые глаза. Мама говорила, что мой цвет глаз я получила от нее. У нее очень доброе сердце и милые морщинки возле глаз, когда она улыбается. Понимает все, что ей мы рассказываем и поддерживает в любых начинаниях. Мне не хватает ее. Мне не хватает всей моей семьи. Воспоминания из детства были разные! Помню, как папа возвращался с работы весь перемазанный углем. В нем были его волосы, одежда, руки, лицо... И как мы неслись по коридору, когда он возвращался с работы. Высоко подбрасывал нас вверх, и мы визжали от удовольствия. Только мама тихо-тихо подходила к двери и улыбалась доброй и искренней улыбкой, и говорила нам: «Тсс... а не то разозлим кустосов с:». Помню, как она приходила с лютого мороза. Ее ресницы и волосы были в белых снежинках. Потрепанная временем мамина курточка, уже совсем затертая в некоторых местах, стойко выдерживала разные погодные условия. Тогда, смотря на мир детскими, невинными глазами, она казалась мне очень красивой. Запах свежего снега и мороза, был запахом моего счастливого детства. Да-да! Именно счастливого. Даже при таких условиях, родители смогли обеспечить нам его. Я люблю зиму! Она словно отчищает весь город от грязи белым и свежим снегом. Конечно, у нас и выпадал ядовитый снег, загрязненный химикатами, но в этом уже были виноваты заводы.

Бабушка тоже любила зиму. Она отличалась от всех своим непобедимым оптимизмом. Всегда рассказывала нам нелепые истории и расцветала, когда мы улыбались. Она находила во всем плюсы и любила работать на клубничной плантации. Каждый раз, если ей выпадала удача, и ее отправляли на ягодное поле в цех под номером 178, то она приходила после работы вся цветущая, полная жизни и вкусно пахла клубничным ароматом спелой ягоды. Я помню, как она учила нас с сестрой находить во всяких ситуациях что-то хорошее. Ее уроки сейчас мне несказанно помогают.

Папа всегда был главарем в нашей семье. Сильный и мужественный – такой он в моих глазах. Ничего и никогда не может сломить его стойкий нрав. Но с семьей он всегда был нежным и ранимым. Никогда не кричал на нас со старшей сестрой и даже иногда спасал от маминых выговоров.

Как же он любит нашу маму! Сколько раз он признавался ей в любви! В детстве я мечтала, чтобы в будущем у меня был точно такой же муж. Мы не раз слышали историю их любви, и каждый раз она завораживала, и мурашки пробегали по коже.

Хотелось бы мне увидеть, и как дедушка ухаживает за бабушкой. Думаю, он тоже был героем в ее глазах. Бабушка говорила, что однажды он не вернулся домой. А она ждала его. И до сих пор ждет. Говорила, что не может вспомнить лица деда Феликса. И даже тембр его голоса. Но она точно знала, что он любил ее. Хотелось бы мне узнать, где он и поговорить с ним. Я не знаю, жив ли он. Мы догадывались о том, что его превратили в кустоса. Каждый

день по утрам, когда я стою в очереди и посматриваю на кустосов, то ищу в них знакомые черты дедушки. Даже не знаю, странно ли это, ведь я его не помню.

Дед Павел со стороны отца умер. Как прискорбно бы это ни звучало, бабушка никогда не боялась говорить нам этого в лицо. Она рассказывала о том, что мои деды Феликс и Павел прекрасно ладили. Иногда я что-то вспоминаю из детства маленькими отрывками. Будто бы искрами. Яркая вспышка света и добрый залиvistый мужской смех.

Сейчас, сидя здесь, одна я могу переосмыслить и проанализировать всю свою жизнь. Мне очень повезло во всем. Например, я знаю, что во многих семьях из-за плохой экологии рождались дети с очень жуткими мутациями и серьезными отклонениями со здоровьем, поэтому почти все из них умирали сразу после рождения. Мутации – не редкость в нашем мире. Они есть почти у каждого. Мне с Элли повезло. Наши мутации не мешают нам жить, некоторые даже наоборот – помогают. Даже родив здорового ребенка, родителям непросто сохранить его. Существует огромный риск заражения, особенно во время массовых эпидемий. Молодой и неокрепший организм не готов к такому резкому и сильному удару смеси большого количества химических опасных отходов производства.

Так же почти во всех семьях есть только один из родителей, а иногда встречаются семьи без родителей. Не представляю, какого было маленьким детишкам, оставшимся совсем одинокими. Жителей насилуют, убивают, жестоко наказывают. По мнению правительства, такие меры приводят к порядку. Известно, что насилие происходит не только от рук кустосов, но и от рук родных людей внутри семей. Чаще всего это были люди средних лет, которые вымещали всю свою злость на своих маленьких детях и престарелых родителях.

Глава 3 Ludovico Einaudi – Petricor

Каждое утро ровно в пять часов во всем городе, в каждом доме начинают оглушительно пищать будильники. Они не выключались до тех пор, пока мы не зарегистрируемся в здании. Люди вставали, одевались и шли на работу. Это было трудно для всех, особенно тем, у которых были большие семьи.

Нас в семье было много. Старшая сестра Элли, бабушка Кэтрил, мама Джанет, папа Винстон и я. Сильнее всего уставали, конечно же, мама и папа. Им приходилось горбатиться на усиленной работе днем и ночью, чтобы прокормить целых 5 ртов. Зачастую мы с Элли сильно не высыпались, и поднять нас с кровати было очень сложно. Рабочие завязли в каждодневной рутине, которой не было конца. У людей был очень болезненный вид из-за нехватки свежего и чистого воздуха. Он полностью был насыщен пылью и отходами заводов. Я часто подходила к зеркалу и долго рассматривала собственное отражение, на меня смотрела девушка с воспаленной красной кожей, с внутренними угрями, но выглядела я намного лучше остальных. Поскольку жители Колонии были просто ужасающими: бледно-зеленая кожа, красные глаза. К счастью, у меня проглядывались лишь серые синяки под глазами. Это выглядело довольно странно в сочетании с моими длинными ресницами вследствие мутации. Большая тень от ресниц падала на щеки, и мои изумрудные миндалевидные глаза становились еще темнее, а синяки больше.

Моей особой гордостью были очень длинные карамельного цвета волосы. Прямо до самой талии! Оттенок был тусклым в свете беловатых лампочек на заводе. Казался серым и холодным. Лишь только на солнце они начинали пылать золотом изнутри, поблескивая медовыми отливами, как светловатый и солнечный ореол нимба над головой. Также у меня была тайна. Еще одна бесполезная мутация. Фиалковая прядь резко контрастировала с оттенком основных волос. Сколько же несчастий приносила она мне в детстве! Дети боялись меня и часто спрашивали, что со мной не так, бестолково крича: «На тебя что, вылилась краска?!»

Все детство я отрезала огромную часть своих волос, чтобы не выделяться, и складывала в белый конверт, но, к сожалению, или к счастью, она снова и снова отрастала. Глупо было надеяться убежать от своей сущности, и, смерившись со своими особенностями, я пользовалась ими.

Мои черты лица были детскими: сатиново-розовые губы с нижней губой чуть больше чем верхняя, пухлые щеки с милыми яблочками, милый вздернутый нос кнопкой и широкие брови с изломом. Единственное, что придавало мне взрослости это овальное лицо с высоким лбом. Изъяны были, но у многих дела складывались намного хуже...

Да и внешность была наша не самая большая проблема. Всем было искренне все равно на себя.

Воздух был засорен. От этого были все наши проблемы. Порой было лучше задержать дыхание или вообще не дышать. Постоянная слезка, плохое обращение с людьми, словно со скотом, а правительство вообще не смотрело на нас, как будто и не было этого «горбатого» народа. На воротах перед этим чертовым зданием, где миллионы людей обретали свое пожизненное рабство, были выкованные и некогда покрашенные, но уже отколупившиеся от старости, черной краской слова, которые отнимали всю мою душу «Каждому рабу работа». Никогда раньше не понимала, почему они на меня так действуют. Элли же было всегда все равно, долгое время она даже не замечала ее. Позже я поняла, отчего меня коробило...

Элли – моя старшая сестра. Мы с ней совершенно не похожи друг на друга. Она старше меня на 2 года. Сейчас ей 25 и я не знаю, жива ли она сейчас или нет. Не хочу думать об этом, потому что я не желаю ее смерти, эти мысли наводят на меня ужас. Для меня Элли жива и будет жить всегда. Она всегда была моим авторитетом. Мне бы очень хотелось быть похожей на нее

хотя бы немного. Глаза у нее чайного цвета. Загадочные, словно кошачьи. Даже при жизни в Колонии она была просто невероятной красавицей! Даже синички под глазами не делали ее лицо менее привлекательным. В ней сквозила та красота, которая присуща заплаканным. Большие, чувственные глаза с некой долей восточности, что преследовала наш род, как оказалось, из-за тюркских корней, но все же, мои были уже. Смуглая кожа, которая скрывала все покраснения, милые яблочки при улыбке, красивые алые губы и аккуратный маленький лоб. Волосы черные и кудрявые, как только дотронешься, кудряшки рассыпаются по твоей руке, даже если были заплетены в тугую косу. Элли очень добрая, храбрая, спокойная. Сестра любит порядок. Ненавидит холод, хотя родилась зимой. Ох... кажется, я сейчас расплачусь... мне нужно настроится. Помню те роковые дни в городе.

Двадцать пятого мая с утра как и всегда в 06:34 мы стояли перед зданием. До праздника оставалось несколько дней и поэтому силы и воля были на исходе. Рабочим было запрещено разговаривать, поэтому мы просто пялились на эти душераздирающие слова «КАЖДОМУ РАБУ РАБОТА». И вот наша очередь. Мы заходим в это здание, поднимаемся по старому скрипящему эскалатору, наверное, еще времен наших прародителей. На верхушке сидит кустос с холодным безразличным взглядом, будто бы он и не родился человеком вовсе. По обеим сторонам стоят две пластины серого цвета с металлическим блеском. Это были электромагнитные барьеры. Сверху располагался сканнер, который определял личность рабочего и находил всю информацию о нем. Далее кустос набирает некую комбинацию на своем мониторе и передо мной отключаются барьеры, он подходит ко мне все с таким же ледяным взглядом и абсолютно сухим и тихим дыханием и надевает на мою голову белый ободок. Он контролирует наши действия. И вот я уже почти готова к работе. Мне жутко охота остановится тут, развернуться и уйти далеко-далеко. Тут я чувствую, что ко мне подходит еще один кустос и оба хотят применить ко мне силу. Я поняла, что я уже застоялась здесь и будет лучше, если я пойду вперед, не буду дразнить кустосов и расстраивать себя плохими мыслями. Неохотно я делаю шаг, и мой ободок загорается зеленым цветом. Кустос, что справа отходит обратно и по эскалатору дальше после меня поднимается какой-то парень в оборванных штанах и с взъерошенными кудрявыми волосами. «Ну, поехали!» – подумала я. Через ободок мне подали приказ: «Идите в цех номер 435» этот противный и писклявый голос надоедал мне за весь день и «резал» мои уши. Иногда я замирала, сжимала зубы и глаза, слыша ее пронзительный писк. Захожу в большой цех с неприятным запахом, пылью, грязью и гарью. Люди там галдят и кричат, разговаривают и дают нагоняни при всяком удобном случае. Это был цех плавки металла. Там было очень жарко, всюду пылал огонь, лились густые оранжевые реки железа. Мне выдали мой комплект инструментов и арсенал работы. Если честно, совершенно не помню как я работала и как дошла домой. Тогда я устала как никогда. По дороге ничего не видела. Все было как в тумане, казалось, будто бы мои глаза испарились от такого сильного жара. Это был день, когда я впервые работала в цеху под номером 435. Больше я не хотела там работать ни при каких условиях! Каждый раз, когда мне определяли цех, я смотрела вверх и начинала молить свою судьбу о пощаде.

Глава 4

Сейчас ночь. Двенадцать часов. Укрывшись с головой под одеяло и, закрыв глаза, я начала прислушиваться к звукам всего того, что происходит вокруг меня. Старшая сестра сопит, уткнувшись носом в подушку. Будильники тихо отсчитывают минуты, кажется, ждут, чтобы ровно в 5 утра поднять с теплых кроватей наши измученные работой тела. Когда возвращаешься с работы, боль пронзает каждую клеточку твоего тела и начинаешь задумываться о том, чтобы поджечь это здание с вывеской «Каждому рабу работа».

Содрогаюсь от своих собственных мыслей. Я даже не заметила, как начала яростно сжимать кончик одеяла. Рука болит, и она стала холодной. Стараюсь не думать ни о чем, но, засыпая, начала вспоминать свой первый рабочий день, когда кустосы вломились в наш дом, схватили и забрали меня прямо с кровати.

Я была в домашней одежде, а на улице – зима и сильный мороз. Благо дома у нас было тоже холодно, как и на улице, поэтому была одета тепло. Все были очень напуганы. Обычно, так забирали на казнь. Оказалось, что я опоздала на регистрацию на час из-за каких-то сбоев в будильнике. Обычно за такой проступок наказывали одного из родителей. Оказалось, папу забрали следом за мной. Кустос хотел накинуться на маму, но отец бросился и сдался к ним в руки. Он чудом вернулся живым, не знаю, что он пережил, но он был весь в синяках и кровоподтеках, а на спине появился глубокий разрез, который был неаккуратно зашит и причинял сильную боль.

Меня же привели в регистрационный отдел. Там с помощью различных приборов определяли умственные способности и самое главное рабочие навыки. Если им что-то не нравилось, то рабочего убивали. Поэтому в наших же интересах мы в маленьком возрасте старались освоить как можно больше различных видов ремесел.

Я была наивной маленькой девочкой четырнадцати лет, с большими зелеными глазами и широкой улыбкой и думала, что найду общий язык с этими людьми. Как же глубоко я ошибалась! Все, кто давно работал там, это люди, не имеющие ни эмоций, ни интересов...

Тогда я впервые зашла в это здание, люди хмуро посмотрели мне вслед и начали перешептываться. Гул, который стоит на работе, настолько силен, что слышен за несколько километров... Такое ощущение, что тысячи пчел жужжат у тебя возле уха. Даже сейчас, при одной мысли об этом шуме, хочется заткнуть уши. Вылезая из – под одеяла, я вдохнула свежего воздуха и поняла, что сейчас уже 2 часа. Иногда действительно хочется, чтобы произошли какие-то изменения в жизни. Однообразие каждый день, каждую неделю. Хочется выбраться на свободу. Вдохнуть полной грудью чистый воздух, который пахнет хвоей. Многие боятся неизвестности, а я мечтала о чем-то новом и неизведанном.

В доме пахнет сыростью. Окошки скрипят от порывов ветра. Элли ворочается во сне. Ночь это единственное время суток, когда мы предоставлены самим себе. Наше «идеальное» правительство следит, чтобы мы ложились спать, ровно в 9 вечера, сославшись на то, что заботятся о нашем здоровье. Хотя все это придумано для того, чтобы не было никаких бунтов.

Камера видеонаблюдения была установлена в каждой квартире, если она заметит активные движения, то на место происшествия высылались кустосы. Кустосы – это были люди, которые потеряли дом, родных, друзей и даже знакомых, либо пойманные, считавшиеся среди близких пропавшими без вести. Да, бывало и такое, что рабочие уходили на работу, но домой к вечеру уже не возвращались. Им перепрограммировали мозг, то есть они забывали свою прежнюю жизнь и с этих пор управлялись компьютерами. Кустосы не считаются людьми, так как они были безжалостны, не имели души. Да и людьми их было сложно назвать. Они уже считались киборгами, которые были облачены в сверхпрочные пластмассы и карбоновые материалы. Бессердечные убийцы. Они убивали не законопослушных граждан. А некоторых брали

в заложники. Наверное, пленников они превращали в себе подобных. Ух! Не хотела бы я побыть на их месте.

Глава 5

На следующий день должен был состояться праздник, организованный правительством. *Как я писала ранее, наше правительство состояло из огромного множества людей. Так произошло из-за того, что все страны объединились в один город под названием Колония. В итоге ближние к властям бывших стран объединились в единый аппарат власти. Как говорится: «Сколько людей – столько мнений», конечно же они спорили из-за всяких пустяков. Сформировавшиеся в давние времена фашизм и национализм определяли настроение в правительстве. Одни были авторитетными, а другие униженные и забытые первыми. Более активной была супружеская пара Хопп: Бенедикта и Себастьян, поэтому они единственные, кто остался в живых...*

Нас не просвещали в дела правительства, все держалось в строгой секретности, не было журналистов и корреспондентов как в давние времена. Мы были обычными глупыми рабочими, которые работают лишь для того чтобы, жить и каждый день, отсчитывая дни на календаре до праздника, так и не понимать, почему после дня наступает ночь и после ночи – день. Зачеркивали цифры в календаре и все ждали с необыкновенной радостью этот глупый праздник, чтобы наконец повеселиться и набить голодное пузо. Какая ограниченность!

Господи, а я знаю, что ты близко, почему ты раньше не вразумил своих рабов? К чему все это, что творится на земле? Какая же это поверхность – Земля! Ведь есть что-то высшее! Здесь, наверху! Мы всего лишь жалкие пылинки! И уж ничем не хуже Бенедикты и Себастьяна. Просто две пылинки среди миллионов.

Честно говоря, не понимаю, почему мы боялись правительства. Может все дело во внешности?

У Бенедикты голубые, почти бесцветные глаза, словно они безжизненные. Волосы, а это единственное, что мне нравилось в ее внешности, каштанового цвета. Всегда ходит в строгих костюмах, сшитых рабочими специально для нее. Лицо у нее всегда серьезное и на нем очень редко можно увидеть улыбку. Но если и представится такой случай, все равно ты гадаешь, она сейчас улыбается или злобно ухмыляется? От нее так и веет холодом, пробирающим до костей. Голос будто бы ледяной, тон приказной и величественный.

Себастьян же, на первый взгляд кажется тряпкой перед ней. Будто он ее маленький, твякающий под ногами песик, который смотрит только ей в рот. Но немного послушав его, можно понять, что он очень расчетливый, жестокий, аморальный псих! Волосы у него темные с проседью. Меня всегда удивляло то, что седых волос на его голове не становилось ни больше, ни меньше. Будто бы он и не стареет вовсе, застыл во времени. Глаза у него цвета мерзлого изумруда, будто бы в этом изумруде есть что-то синее. Ощущение, что огонь в его глазах, кто-то заморозил вместе с его сердцем. Ежегодно они устраивали праздник, для своих рабов, то есть для нас – рабочих. Правительственный аппарат приказывал накрывать большие столы, полных яств. Пока мы жадно набивали себя едой, они говорили о том «Божественном месте», которое они создали. Наверное, главной ежегодной фразой являлась: «Сегодня мы поговорим с каждым желающим и решим все ваши проблемы, чтобы ваше небо всегда было безоблачным!». Действительно в этот день мы могли подойти к кустосам и записать свое обращение правительству. Но естественно мало, кто это делал, так как все боялись кустосов и обходили их стороной.

Тем более мы ходим на этот праздник исключительно из-за еды, потому что она там в очень большом количестве и разнообразии, что в обычные дни нам недоступно.

Я до ужаса обожаю сэндвичи. Каждый раз, приходя туда, я искала исключительно только их. Вкус сэндвиче-е-ей... Ням! У меня всегда был отличный аппетит, что конечно естественно. При виде огромного стола у нас плыло и рябило в глазах и мутился рассудок. Обычно на один день у нас была краюшка хлеба.

Ах да! Что же я все про еду?! Самый главный плюс этого праздника – это то, что мы освободились на 24 часа от работы. Что для нас было большим подарком!

Глава 6

С самого раннего утра мы с Элли были в хорошем настроении. Вся семья преобразилась, надев свои праздничные наряды, пропахшие сыростью и ядом от моли. Позже я узнала, что этот яд называется нафталин. В детстве я чуть не съела его, за что в первый и последний раз на меня накричал отец. Представляю, как он испугался за меня.

Мое платье было молочного цвета, приталенного покроя, которое я всегда бережно берегла от праздника к празднику. У всех рабочих был единый комплект одежды, выдаваемый государством на протяжении всей жизни. Единственное, что отличало нас друг от друга это цвета. И, конечно же, в эстетических целях, покрой одежды менялся с изменением возраста.

У нас с Элли было по комплекту, в который входило платье, праздничная обувь, рабочая повседневная форма, износостойкая обувь, теплая куртка.

Элли надела платье сиреневого цвета. Как же хорошо она тогда выглядела!

Наша мама Джанет в этот день выглядела как всегда лучше всех! Черные волосы волнами ниспадали на плечи и платье тускло зеленого цвета длиной чуть ниже колена, развевалось во все стороны. Когда мама зашла в комнату, Элли издала удивленный вздох. Мама засмушалась и потерла носком обуви об пол.

На папе были светлые штаны бежевого цвета и такого же цвета рубашка с белыми манжетами и черными пуговицами, застегнутыми, как всегда, до трех последних.

На бабушке было ее любимое платье, которое она испачкала на прошлом празднике. Пятно так и не отмылось. Бабушка очень долго переживала из-за этого. Ведь с этим платьем у нее было много хороших воспоминаний.

Когда бабушка увидела нас, то утерла глаза платком, а затем добродушно улыбнулась. Папа открыл дверь, и все мы двинулись по оживленным улицам, у всех людей были угрюмые лица, и это отличало нас от всех в этой толпе, и мы хоть как-то не смешивались с ней. Меня это даже забавляло, складывалось ощущение, что мы являлись единственной счастливой семьей в мире.

Глава 7

Мы уже подходили к площади. Там было уже куча народа, с поникшим видом, потухшими глазами и бледной зеленой кожей. Они были похожи на зомби из фантастических фильмов 2000 годов. Никто не разговаривал, все только жадно смотрели на полные столы еды, и лишь урчание животов прерывало тишину. Все ждали правительство. Они должны были появиться на сцене в телепортаторе. Раньше мы думали, что они думают о нас и этот праздник был напоминанием нам об этом. Оказалось, что не все так просто, да и эта куча еды, от которой ломился стол, была приманкой...

Маленькую сцену освещал свет прожекторов, от которого резало глаза. Дети начали плакать громко и болезненно, потому что стоять на изнуряющей жаре и ждать пока соберутся все, было очень тяжело. Мы привыкли к ней, но сегодня она была очень сильной. Большой экран на площади показывал +56 градусов жары. В этот день я вспомнила работу в цехе 435. За нами подошла еще куча людей, и мы оказались почти в самом центре рабочей массы. Все были словно законсервированы в банке.

Я посмотрела на Элли, она выглядела так, как будто не чувствовала жары. Элли не любила холод. Но жара ей была по душе. Со мной все было с точностью да наоборот. Я словно вяла от жары, растекалась и плавилась как воск. Мысли путались в голове и как будто частями исчезали, слышались только их отрывки, совершенно не связанные друг с другом. Ноги становились «ватными» и практически не держали меня на земле. И я словно тонкая березка качалась из стороны в сторону, и лишь прохладная рука старшей сестры держала меня на ногах. Как Элли не могла чувствовать этой жары?! Постоянно удивляюсь этому. А она в тоже время удивлялась тому, как я не ощущаю холода.

И вот мы увидели знакомые до боли силуэты. Все как по магическому заклинанию ожились и начали хлопать. Конечно, есть же всем хочется! К нашему удивлению из большого количества членов аппарата власти вышли только Бенедикта и Себастьян. Бенедикта подошла к микрофону и постучала по нему длинным красным ногтем. Раздался ужасный звук, который «резал» уши. Затем она начала говорить:

«Я прошу у вас прощения за наше маленькое опоздание. Но сегодня особенный день! Каждый год мы собираемся вот в такой семейной обстановке все вместе! И как мы говорим всегда? Сегодня мы поговорим с каждым из вас и решим все ваши проблемы, чтобы ваше небо всегда было безоблачным!». Она через силу улыбнулась, и ее улыбка была больше похожа на оскал бешеного и дикого зверя.

Глава 8

Праздник объявляется открытым!

Все бурно захлопали и большой людской волной двинулись к столу. Элли схватила меня за руку и потащила к столу. Потом она побежала куда-то и пропала в толпе. По-видимому, в ее поле зрения попали сладости. Я подошла в конец стола туда, где лежали сэндвичи и захватила в плен все тарелки. Кусая по маленькому кусочку, я стала наслаждаться вкусом, потому что это повторится только через долгий-долгий год, затем отложив сэндвич на тарелку, посмотрев на него печальными глазами, будто бы прощаясь с ним, я зачерпнула из миски какой-то сок с надписью «эсфито».

«Хорошо, звучит неплохо» – подумала я, поднося стакан ко рту.

«Ммм, и на вкус ничего, похож на обычный ананас» – сказала я тогда с какой-то иронией. Иногда нам удавалось съесть плоды с плантации, пораженные червем.

Было уже темно, но, повернув голову к другой половине стола, я увидела два огонька, которые смотрят на меня. Это был какой-то парень, облокотившийся на стол и смотревший на меня с широкой белоснежной улыбкой. Никогда я не видела такого счастливого человека ранее, не считая своей семьи.

Затем я обернулась обратно к столу, позабыв о ярких огоньках, которые прожигали меня.

Сэндвичи! Сэндвичи на тот момент волновали меня больше всего...

Через час я уже облопалась досыта. Казалось, что я съела огромный, раздувающийся камень. Я наконец почувствовала удовлетворение. Как всегда, неожиданно, перед нами появились голограммы.

Это была семья Хопп. Бенедикта кашлянула в микрофон, прикрепленный на этот раз, на ее сильно выглаженном пиджаке. Рядом с ней сидел Себастьян. Он с каким-то неестественным и неподвижным взглядом посмотрел вперед и, не отводя глаз, подтянул галстук обеими руками и такими же движениями вернул их в прежнее положение. Рабочие с надеждой уставились на сцену с лицами преданных псов.

Бенедикта коротко кивнула Себастьяну. Тот зеркально отобразил ее кивок и начал говорить: «Дорогие граждане! Я бы хотел сказать вам, что скоро вас всех ожидает переворот. До этого вы жили легко и безбедно. Но сейчас вы испытаете нечто новое!

И продолжила дальше Бенедикта:

– Я полностью согласна со словами своего мужа! Вас, видите ли, не устраивает, так как вы живете! Это еще только начало, – гадко ухмыльнулась она, – Вы же понимаете, что лучше уже стать не может. Все слишком запущенно. Что мы можем поделать, если Земля была такая изначально. Мы пытаемся облегчить вам жизнь и сделать ее лучше! Вы стали неуправляемыми, мы не можем неустанно следить за вами и расстреливать каждого нарушителя. Но мы попытаемся. Вас стало слишком много и каждый день вы совершаете странные поступки, за которые мы должны нести ответственность. Нет. Хватит. Вы все слишком расслабились. Постоянно отлыниваете от работы, болеете, вы постоянно чем-то недовольны! – нарастающая раздражительность голоса была четко слышна. – Вы не думали быть выше ваших природных инстинктов? Отдаться работе полностью. Работать неустанно. Мы даем вам слишком много. Может вы и праздник ежемесячный хотите?! А?

Толпа радостно завизжала.

– Ох, нет же! – притворно взволновано воскликнула она. – Это всего лишь шутка! – вдруг она начала смеяться скрипучим, писклявым смехом. И смех ее резко прекратился, и голос стал серьезным, грубым и устрашающим. – Работать! – прохрипела она. – Ваша главная функция. Безотказность и подчинение, качества вашего характера. И ничего больше! Поняли? – заорала она. Люди ахали, – продолжай Себастьян, – наигранно мягким голосом сказала Бенедикта.

Он прочистил горло, будто выходя из транса и шока, сказал:

– Милая, ты как всегда права! Развлекайтесь, веселитесь, ешьте!

С моих глаз словно сошла пелена. Все стало ясно. Глаза у меня были широко открыты. Безумным взглядом я стала искать Элли в толпе переполошившихся людей. Она делала тоже самое. Голограммы исчезли. Праздник подходил к завершению. Сестра неуверенно сделала ко мне пару шагов. Новость настолько потрясла ее, что она едва держалась на ногах. Мне стало жаль ее. Жаль всех нас. Мы попали в ловушку. Выхода у нас нет.

Элли подошла ко мне и, увидев ее беспомощный взгляд, я поняла, что дальше все так не может продолжаться.

Глава 9

Я больше не хочу находиться в этом месте!

Все смотрели на большую сцену широко открытыми глазами.

Я взяла Элли за руку и вывела из этого балагана!

Элли смогла вымолвить только:

– Но... но... они...

Я быстро обняла ее и сказала:

– Да! Все будет хорошо. Сейчас я покажу тебе мое любимое место.

Элли словно мягкая игрушка еле волочила ноги за мной. Всю жизнь мы терпели унижения. Это изрядно надоело.

Мы выбежали из-за больших темных ворот, которые вели к нашей работе. А там находится небольшой дворик. Уже начало темнеть. Сверчки стрекотали, на душе у нас должно было быть легко. А сейчас меня словно приколотили гвоздями к земле, и отдирать ноги от нее становилось все тяжелее. Казалось, что все станет еще хуже, но и в душе теплилось приятное греющее чувство, что все уже не будет как раньше. Хуже, но по-другому.

Дело в том, что я очень любила лазить по крышам, поэтому у меня был уголок на одной из них, куда я часто приходила.

Подойдя к дому и начиная взбираться на пожарную лестницу, я крикнула Элли:

– Залезай за мной, я знаю, что делаю!

Элли не стала спорить.

Возможно, ползти по пожарной лестнице ночью в коротких платьях было не самой лучшей идеей, но деваться было некуда. Когда мы забрались на крышу, Элли попыталась успокоить сбивчивое дыхание и спросила:

– Куда ты меня привела?

– Сейчас увидишь... – ответила я.

Я подошла и открыла дверь кладовки, на крыше этого дома было мое тайное убежище, что-то вроде домика на дереве.

– Ого! – только вымолвила Элли. Она очень любит подобные тайные вещи, у нее есть тяга к экстриму, но ничего подобного никогда не вытворяла, потому что боялась.

Элли села на пол и с серьезным видом заявила:

– За нами не было хвоста? Вдруг нас заметили! Это опасно!

– Расслабься, сегодня же праздник, никто за нами не следит, – успокоила я ее, но внутри меня все же поселилось сомнение.

– Я устала Акасра... я устала от такой жизни. Это не может больше так продолжаться, все люди имеют право голоса! С меня хватит! Я больше не могу так жить!

Я села рядом с ней и сказала:

– Да, я тоже, с этим надо что-то делать. Нас не должны мучить всю жизнь мы же живые!

Я больше не выдержу...

Элли посмотрела на меня. Ее взгляд полный страдания и отчаяния сменился на свежий и полный идей.

– Так больше продолжатся, не может... – сказала я.

– И не будет! – продолжила мою мысль Элли.

Глава 10

Утром прозвенел надоедливый будильник и Элли со всей силы заспанная бросила в него подушку. Я глупо хихикнула затем встала и пошла на кухню. Мое лицо было уставшим, но светило улыбкой. Прекрасное ощущение, будто бы все это скоро кончится, не покидало меня. И в моем голодном желудке летали бабочки. И самой мне казалось, что мой разум настолько чист! Теперь вместе с Элли и половиной города мы стали понимать, что представляет наше правительство. Я была готова на любые даже самые безрассудные поступки.

Элли встала и тоже зашла на кухню, я сидела за столом, и пила воду, заедая рисом. Зайдя на кухню она одарила всех прекрасной улыбкой и, встретившись со мной глазами, подмигнула. Мама же находилась в плохом настроении, было видно то, что она не выспалась. Морщинки стали более выраженными, огонь в глазах потух. Но она нашла в себе силы и слабо улыбалась, подперев голову рукой и поставив локоть на маленький круглый стол, который чуть не упирался в стены нашей маленькой кухоньки. На улице было пасмурно и лил дождь. Окна предательски скрипели от порывов сильного ветра, но вдруг в комнату зашла бабушка, ее лицо сияло улыбкой, и походка была летящей и прекрасной. Кажется, она помолодела на пять лет. Папа прибывал в таком же хорошем самочувствии как я, бабушка и Элли.

– Мама, с тобой все хорошо? – спросила я.

– Да... – отдышавшись, медленно сказала она. Волосы у нее были собраны в слабый пучок, из которого выбивались пряди черных волос. От вчерашнего прекрасного образа ничего не осталось. Как же мне жаль ее! Как мне хочется дать ей лучшую жизнь. Она всего этого заслуживает. Мы все этого заслуживаем. Снова осмотрев ее с ног до головы, я узнала ее старый темно-желтый халат. Он напоминает мне о детстве. Мама слабо улыбнулась.

Мы с бабушкой переглянулись, вид у нее заметно погрузнел.

Эта ситуация кажется всем нам знакомой, потому что любящие люди никогда не признаются, что чувствуют себя неважно, чтобы не стать обузой своей семье. Я разбудила Элли от ее задумчивого не отрывающегося взгляда, упирающегося в стену, и мы пошли на работу.

Небо было затянуто темными тучами. Как черная дыра, в которую улетала наша позитивная энергия. Элли крепко вцепилась в мою руку и семенила за мной. Потухшие холодные уличные фонари шатались от ветра. Рядом с большим темным заброшенным зданием стояла старая ветхая и прогнивающая скамейка, на которой были нарисованы темные цветы. Наверное, когда-то она не выглядела такой одинокой. На ней сидели дети и резво смеялись. Или какая-нибудь влюбленная парочка. Хотя, что я тогда могла знать о любви? Даже сейчас я не уверена, что знаю о ней...

Но все же, ноги от горелого запаха подкосились и мне удалось удержаться на них.

Сегодня мы будем работать на клубничной плантации. Ох... Как была бы счастлива бабушка!

Кустосы стояли рядом со стеной, смотря прямо перед собой. А ведь у каждого из них раньше была своя жизнь, семья и дом. Так же, как и все мы, когда-то они вставали рано утром и шли на работу. Но теперь они словно бездушны и измучены, но это все-таки, я думаю, это лучше, чем совершенно не иметь жизни. Все это осознание их нынешней и механизированной жизни вызывает во мне чувство омерзения. К тому же теперь они все на одно лицо. Мы не можем узнать и различить их, понять чувства, что они испытывают, заглянуть им в глаза и увидеть их душу. Глаза у них, казалось, сделаны из стекла, одинаковые и ничего не говорящие. Кустосы одеты в белую, будто стерильную, чистую форму. От этого становилось еще более жутко, особенно когда на них были капли крови, которые очень контрастировали с цветом их одеяния. Лица у них были бледно-белые, не стареющие и не покрывающиеся морщинами,

словно не живые. Все это наводило страх, потому что было ощущение, что они ненастоящие, не рожденные на нашей планете.

– Цех номер 178, – приказали нам с Элли в глобастер, – белый ободок.

За нами последовало еще несколько людей на ионизацию. Кустосы сопровождали нас, и я с замиранием сердца слушала как каблуки их туфель размеренно соприкасаются с холодным полом. Напугано я крутила головой, удивляясь собственной смелости- поднять ее так высоко. Это уже вошло в привычку, бояться всего вокруг и не видеть ничего кроме волос с обеих сторон и пола. Это будто закрывало меня от проявлений жестокости вокруг. Я была затравленной. Была. Это тешит мое самолюбие.

Ионизатор представлял собой черную металлическую раму, которую можно назвать подготовительной частью перед телепортацией. Некоторые цеха располагались далеко от здания работы и нас приходилось отправлять туда на вахты. Вахта продолжалась три дня.

4848986, 4848987, 4747428, 4728063 пошли за нами.

была в точности похожа на нее, но характером и поведением была полной противоположностью. Она посмотрела из-под длинной челки на нас, с полным недовольством и презрением, скрестив руки на груди. Мы сразу поняли, что она не была в восторге от новых знакомых.

Глава 12

Первая девушка добежала до нас с отдышкой и учащенным дыханием с ходу весело представилась:

– Я Анерис! А вас как?

Мы по очереди представились и спросили у нее о ее сестре.

– Не обращайтесь внимания, она немного не разговорчивая и не любит новых знакомств.

И в этот момент мне пришла гениальная идея. Я решила поделиться ей с Элли.

– Друзья, мне нужно кое-что обговорить со своей сестрой, – широчайше улыбнулась я, желанием понравится им для моего назревающего плана. Элли недоверчиво взглянула на меня, явно не понимая, что на меня нашло, а я внутренне содрогнулась от собственной слащавости. Мы отошли от них на несколько метров.

– Элли, а что если сбежать. Сейчас. С ними?! – наверное, в этот момент мои глаза засверкали как никогда.

Глаза у Элли округлились, видно эта новость привела ее в шок.

– Да ты с ума сошла?! Даже и не думай! Мы с ними едва знакомы и не можем быть уверенными в них. Да и без подготовки! Да нас же тут же поймают и убьют! А родители? Ты о них подумай...

И в этот момент я будто вернулась в реальность. Должно быть меня свела с ума обстановка в городе и вечные навязчивые мысли о скором освобождении. Я пришла в чувства и поняла, что нам нужно подготовиться и узнать этих ребят поближе.

– Хорошо, – согласилась я, – ты права, но вот смотри, тогда, на крыше, мы говорили о том, что мы должны поменять эту жизнь, не только ради себя, но и для всех людей мира, мы должны все исправить, сменить... – в этот момент у меня чуть ли не вылетело слово «власть», но я вовремя остановилась, так как подобная мысль (и даже не вслух!) была совершенно недопустимой, так как за это могли наказать, а именно убить нарушителя, всю его семью и окружающих людей, которые могли услышать заговор. В этот момент в нашем разговоре произошла пауза и, смотря на Элли, стало ясно, что она поняла мои намерения. Сначала она обомлела, но секундой позже я поняла, что и Элли заразилась этой мыслью.

– И мне все равно останусь ли я в живых или нет, но я не смогу жить так дальше, если не попытаюсь все исправить.

– Тогда у нас есть три дня, что мы будем на плантациях, на подготовки побега и организацию команды, – сестра точно поняла, насколько это необходимо, зашептав так тихо, что я едва могла услышать ее голос, но все равно осмотрелась вокруг. – Так же нам надо продумать наше бесследное исчезновение из этого города, что казалось невозможным...

Глава 13

В моей душе что-то перевернулось. И я словно воспарила над землей от счастья. Карие глаза Элли сверкали безумством и жадной приключений. Мы быстрым шагом вернулись к ребятам, которые болтали и уже неряшливо с силой закидывали крупные, налитые соком ягоды клубники в корзинки, не беспокоясь об их сохранности.

– Ну, дава-а-ай! Пожа-а-алуйста! – по-детски ныла Анерис, смотря на сестру, лицо которой не выражало никаких эмоций. – Просто посмотри, какие они милые! Не девушки, а загляденье! – мечтательный звонкий голосок было несложно услышать.

– Анерис, будь спокойнее, – убедительно и хрипло ответила ей сестра. – Ну почему мы должны знакомиться с каждым людьми, с которыми работаем на плантации? – она тяжело вдохнула. Их долгая беседа раздражала меня. Потому что, чем больше времени проходило, тем больше я начинала нервничать. Я аккуратно отстранила Элли от себя, быстрым шагом подошла к близняшкам и торопливо представилась:

– Акасра. Рада знакомству, – теперь я поближе смогла разглядеть девушку. На милых светлых как молоко щеках и курносом носике россыпью проглядывались веснушки. Желтые яркие волосы в отличие от сестры были завязаны в тугий хвост. А большие синие глаза немного уже, чем у Анерис с большими зрачками смотрели на меня внимательно и недовольно. Различие в них было, но если очень сильно приглядеться.

– Сирена. Приятнее некуда! – буркнула она и начала стряхивать со своих серых штанов невидимые пылинки.

– Вы чертовски похожи и очень красивы! – сказала я, немного восхитившись ее хладнокровности.

– Да ладно! – сказала она насмешливо, тут же заставив почувствовать меня глупой. – Действительно не заметно, да?

– О, спасибо Акасра! – сказала Анерис, которая все это время стояла сзади меня. – Для меня это очень большой комплемент! – ее детская манера поведения нравилась мне больше.

– По-моему, всем наплевать... – шепотом сказала Сирена. Несмотря на то, что она была почти на полголовы ниже, чем я, вела она себя намного сдержаннее и строже. Тем самым заставив меня почувствовать себя надоедливой малышкой, которая из кожи лезет вон, чтобы получить от родителей конфетку. И я словно становилась ниже ростом рядом с ней. – Вы немного застоялись, Анерис. Отведи свою подругу, – она прервалась, чтобы показать в воздухе кавычки. Этот глупый жест, пришедший к нам из прошлого, всегда сильно раздражал меня, – обратно добросовестно работать. – Продолжила она, уже не так едко обратившись к сестренке.

«Ну, ничего себе! Она меня еще и прогоняет!», – С полным отвращением в душе подумала я и перевела взгляд на Анерис, глаза которой, словно извиняясь, смотрели на меня снизу-вверх.

– Я, пожалуй, пойду, – как можно холоднее сказала я и молниеносно, увидев Элли, подлетела к ней.

– Эта дамочка, просто брызжет ядом! – запыхавшись от бега, и жгучим чувством того, что я унизилась перед ней, как можно тише сказала я.

– Слышала я, слышала! – с интонацией нашей матери, сказала она и засмеялась. – Да ну, забудь про нее! У нас полно других дел. Надо все продумать до самых мелочей! – воскликнула она мне прямо в ухо и потеряла руки, словно злой гений. – Надо втереться всем в доверие...

Глава 14 Olafur Arnalds —Not Alone

Ночь. Огромная желтая луна светила прямо в пыльное, завешанное паутиной окно. И даже через пыль, ее свет озарял весь наш домик и слепил глаза. Сначала это было мучительно, но потом показалось, будто бы луна, наблюдая за нами и осознавая наш план, этим мощным лучом решила одарить нас своей силой. Звезды мерцали, подмигивая нам с неба свода. Сотни глаз звезд наблюдали за нами неустанно. Совсем как кустосы, которые сидели под нашими окнами и ходили вдоль плантации, но только звезды точно не хотели нас убить в любом удобном случае. Работать на плантации нам надо три дня. Сейчас уже шло начало второго. Скрипучая дверь открывалась от порывов ветра и прохладный, освежающий ветерок заходил в небольшую комнатку, где мы, вшестером укрытые жесткими, пахнущими сыростью одеялами, пытались избавиться от дневных проблем и сладко заснуть. Этот ветерок ободрял нас своей прохладой, и от этого становилось легче дышать, расслабляться и продолжать жить...

Под утро, полная новыми силами, я проснулась от солнечных бликов в окно. В домике была летняя прохлада и пахло древесным ароматом, было по необыкновению хорошо и уютно.

Все спали. Кустосы куда-то ушли. В округе плантации никого не было. Эту летнюю тишину прерывал только тихий храп Доминика и милое сопение Анерис. Напротив меня спал Фидель, когда я привстала с кровати, он открыл глаза.

– Ты наблюдаешь за мной? – спросил Фидель с удивлением и самодовольством, будто бы давно придумал эту «коронную» фразу и искал повода, чтобы использовать ее по отношению ко мне.

– Пфф, я только проснулась, – усмехнулась я.

– Все спят?

– Да.

На этом беседа прервалась. Возникла неловкая пауза. Я повернулась к окну и начала созерцать видами плантации, залитой солнечным светом.

– Может, поговорим? – неожиданно и с энтузиазмом предложил Фидель.

– Давай, но о чем?

– Тебя что-то волнует.

– С чего ты взял? – с недоумением произнесла я.

– Я уже видел это лицо, мой отец, за неделю до того, как его забрали кустосы, ходил с таким же видом.

– А что с твоим отцом?

– Я не знаю. Тогда я еще был ребенком, его забрали у меня на глазах. Тогда мама осталась с двумя маленькими детьми, и я как старший брат старался заменять отца.

– Мне очень жаль... – прошептала я.

– Ну, так ты расскажешь? – в этот момент громко храпнул Доминик, и обстановка немного разрядилась.

– Я хочу рассказать об этом, но не могу... – нехотя сказала ему я, и в этот момент он присел на край своей кровати, и солнечный луч оказался на его волосах цвета морского песка.

– Это что-то опасное?! – со страхом и беспокойством отца спросил он. Его решительность спугнула меня.

– Слушай, а у тебя такой интересный цвет волос!

– Не сменяй тему! Ты меня пугаешь! – он был действительно очень напуган. Для меня это было очень странно, ведь мы были едва знакомы. Видимо поэтому я прониклась к нему и выдала все, хотя сейчас я понимаю какой это был глупый и детский поступок.

– Тебе не надоело так жить? Каждый день просыпаться со страхом за родных и себя, с болью, чувством беспомощности. Когда хочешь что-то сделать для себя и других, для все-ленского счастья, но ничего не можешь! Это ломает меня, мне плохо, я задыхаюсь!

– Хочешь сбежать?.. – с понимающим и доверяющим взглядом он посмотрел на меня, и я доверчиво кивнула ему в ответ. От того, что я рассказала ему, мне стало намного спокойнее. При этом я не чувствовала страха и вины перед Элли. Мне показалось, что я сделала все правильно, будто рассказала все родному человеку. – Ты уже все продумала? – продолжил Фидель. – Ты же понимаешь, что если сбежать от сюда, то нужно брать всех с собой? – обеспокоенно рассуждал он. – А Элли знает?

– Это была только мысль, Элли об этом знает, мы с ней вчера об этом разговаривали. Да, мы и собирались взять всех с собой. Но понимаешь... мы все познакомились только вчера. Плантация – самое удобное место для побега, и я не хочу упустить этот шанс. А работать здесь осталось лишь два дня.

– А чтобы все были готовы нужно сообщить им о плане сегодня, так как сегодня мы ночуем дома... – с точностью продолжил мою мысль Фидель.

– Именно! А я не знаю их, не могу предугадать их реакцию, сомнительно, что они все на это согласятся. А с Сиреной я вообще не поладила, – от грусти и понимания провала плана, осознания вечного пленения этим жестоким правительством я опустила голову и в своих мыслях не могла смириться с этим, словно дикий зверь, которого загоняют в клетку.

Фидель встал и присел на краешек моей кровати.

– Попробуем вместе? – он улыбнулся и с полной надеждой и уверенностью посмотрел на меня. Я с облегчением подняла голову, глубоко вздохнула и улыбнулась в ответ.

Глава 15

...«хуррхррохрууу» – храпел Доминик от того, что Фидель начал оттягивать его щеки в разные стороны, и я не могла сдерживать смеха и поэтому закрывала рот рукой. И тут Фидель с бешеной скоростью внезапно отскочил к своей кровати.

– Он укусил тебя?! – со смехом и наигранным испугом спросила я.

– Тсссс! Нет, кустосы идут, – серьезным видом ответил Фидель. Мы замолчали и, сидя на кроватях, ждали появления кустосов в нашем домике.

Тут же через несколько секунд к нам ворвался сначала первый, а потом второй, и третий, и четвертый кустос, и еще двое стояли на улице рядом. Они разбудили всех остальных и выдали нам орудия для работы на ананасовой плантации, которая была неподалеку от клубничной. Надо сказать, что нам с Фиделем повезло, что мы проснулись сами, потому что просыпаться от рук кустосов не самое приятное дело. Доминик в полусонном состоянии схватился за еще розоватые щеки, и я чуть ли не засмеялась в голос, видя его сонный и недоумевающий вид.

Все мы дружно и быстро собрались и вышли на улицу. Нас повели на ананасовую плантацию. Ярко светило солнце, быстро плыли по небу огромные, белые, кучевые облака. Мы шли друг за другом. Первым вышагивал Доминик, затем Фидель, я, Элли и близняшки. Под ногами путались ящерики, перед глазами летали стрекозы и бабочки, их я видела наяву только лишь второй раз в жизни, в городе и его округе нет ничего живого, кроме людей.

Был прохладный ветер. Мы все шли молча, смотря вдаль, но ананасовой плантации все не было видно, вокруг нас шли кустосы. Солнце то выглядывало, то вновь пряталось. Наконец-то из-за горизонта мы увидели плантацию.

Плантация была огромная, здесь пахло резким сладким ароматом ананаса и зеленой травы. К такому аромату было сложно привыкнуть, так как на такой чистой, красивой, девственной природе мы бываем очень редко и обычно работа продолжается три дня. Из которых два дня мы работаем на плантациях, далее нас отправляют на одну ночь домой, чтобы поесть и запастись водой и уже на третий день вновь отсылают на плантацию. Вообще работать здесь было довольно интересно, хоть голодно и изнурено. На природе мы отчищали свои легкие и наполнялись гармонией и красотой природы.

На пригорке виднелись три домика, и каждый из них был точно больше того, что на клубничной плантации. Внезапно из-за плеч Доминика я увидела еще кучу других работников. В этот момент я обомлела и оцепенела на месте. Жгучее солнце вышло из-за облаков. Его тепло напекало, и от того начинало поташнивать. От холодного ветра мурашки появлялись по всему телу, и все внутри пронзало словно кинжалом. Безысходность... ужас, боль. А ведь было столько надежд. Фидель повернулся на меня, и я поняла, что план провален. Всех мы не в силах взять. Все кончено...

Глава 16

Все силы ушли от меня. Повсюду были незнакомые люди. Их было примерно с полсотни. Кустосы, как обычно, ушли охранять границы плантации. Рядом со мной находилась только Элли, Фидель и Доминик. Я видела грусть в глазах Элли и Фиделя. Только лишь Доминик был счастлив, как обычно. Думаю, если бы он знал о плане, то тоже был бы расстроен. Анерис и Сирена находились в пятидесяти метрах от нас, и уже который час трудились, не поднимая головы. Сирена, по своему обыкновению втыкала маленькую лопатку в сухую землю с трещинами с такой силой, что распущенные блестящие волосы сотрясались от ударов. Лицо ее было невозмутимо, и в глазах горел огонек ярости, и, казалось, она была готова убить всех людей на плантации этой самой лопатой. Анерис находилась недалеко от сестры и с любовным взглядом и плавными, легкими движениями приглаживала землю. Со взглядом матери, которая узнала об успехах ребенка, она аккуратно срывала большие колючие плоды ананаса и, заметив мой взгляд, исподлобья посмотрела на меня. На ее маленьком лбу появилась морщинка от беспокойства, и указательными пальцами она приподняла уголки своих губ и без того растянутых в спокойную улыбку, приказав мне улыбаться. Доминик весело хохоча, насвистывал себе под нос мелодию, которая казалась мне отдаленно знакомой и его глаза светло-голубого оттенка сияли радостью. На чуть пухлых щеках парня выступили милые ямочки, от которых его лицо приобрело мальчишеские черты.

Но Фидель был задумчив и угрюм. В его огненных глазах бушевал пожар, лицо было напряжено, от злости он стиснул зубы и нехотя копошился в земле, а несколькими минутами позже приблизился ко мне поближе, нагнувшись, делая вид, что срывает ананас и прошептал в самое ухо:

– Что мы будем делать?

– Все кончено, Фидель... – ответила я и подняла на него глаза. На его лице было сожаление.

– Тебе тут не место! Иди *** отсюда! Ты меня бесишь ***! Да кто ты такой? ***! – Кто-то заорал рядом с нами.

– Остынь! Да что я тебе сделал?! – с возмущением и беспомощностью спрашивал Доминик у явно разъяренного мужчины. Видно он был рассержен и разъярен, высказывался грубыми и бранными словами, которые без сомнения задевали чувства Доминика. Мы шестером встали как вкопанные и не понимали, что вообще произошло и что делать. Зато остальная часть рабочих размахивалась лопатами и граблями и бурно крича в сторону Доминика: «Так его! Так его! Так и надо! Кто воспитывает такую *** молодежь! Какое будущее можно от них ожидать?! *** дети таких же ****!».

Фидель тут же метнулся к Доминику, чтобы выяснить, что случилось.

– Доминик, что происходит?

– Я не знаю.

– Ах, ты не знаешь! Сейчас! – Мужчина замахнулся на Доминика... Анерис от страха закрыла глаза. К счастью, Фидель вовремя успел схватить его за руки. Я стояла близко, поэтому могла в красках наблюдать за происходящим. Фидель справлялся с разъяренным незнакомцем. Руки мужчины тряслись от напора. Белки его глаз были мутные, сине-желтого цвета. Под глазами были глубокие складки мешков, которые блестели от накопившегося в них капелек пота. На лице виднелись глубокие морщины, куча бородавок, ран и шрамов. Щеки впали, а от крыльев носа до уголков губ и подбородка шли две линии самых крупных морщин, от которых казалось, что рот его обвис. Он кривился от жажды мщения. В его глазах была боль, ненависть и безумие, а изо рта брызгала слюна. Доминик хотел помочь Фиделю, но я, перепрыгнув через грядку, схватила его за предплечье и остановила. Фидель был крайне удивлен моему

поступку. Я повернулась к мужчине и с полной уверенностью и спокойствием начала убеждать его: «Послушайте, он исправится! Не делайте этого. Он болен. Это правда.». Эти слова подействовали на безумца словно колыбельная. Он успокоился и потихоньку опустил руки. Фидель сначала не понял, что происходит и, посмотрев на меня сначала, как на глупую, но увидев, как это подействовало, раскусив мою ложь, продолжил: «Да, он исправится...». Доминик для правдоподобности присел на землю и схватился за голову. Мужчина развернулся и молча удалился...

Глава 17

Нам объявили о конце смены. Мы оставили приспособления. Найдя Элли, я взяла ее за руку, и мы пошли к выходу из плантации.

– Как же бесит! – топнув ногой, закричала Элли. Ее кудрявые черные волосы спадали на лицо. Резким движением она откинула их на один бок и открыла свое красивое смуглое лицо искаженное гримасой злости. Я даже немного засмотрелась.

– Чего же мы так злимся, Элли? – как всегда насмешливым и немного озабоченным тоном спросил Доминик. Я увидела панику на ее лице, но затем она снова взяла себя в руки и, процедив сквозь зубы, ответила:

– Я не собрала все ананасы с моей части поля. Уууф!

– Доминик, оставь их в покое, – раздражительным тоном сказал Фидель.

– Хэй, брат, ты чего? – ошалело посмотрел на него Доминик. Я тут же решила, что он обиделся, но когда он раскатисто рассмеялся, тут же забыла эту мысль.

– Акасра, ты в порядке? – Спросил Фидель.

Доминик и Элли озадачено переглянулись.

– Неужели вас только это волнует?! – подбежав к нам сзади, удивленно обратилась к нам Анерис.

– А что нас должно волновать? – спросила Элли, раскинув руки в стороны.

– Ну а как же тот странный мужик?

Элли оглядела Доминика с ног до головы и так же, показывая рукой верх и вниз, с ухмылкой ответила на ее вопрос:

– Да ты посмотри на него. Он же весь светится! Постоянно счастливый, постоянно улыбается, шутит. А теперь на остальных, – Элли сконцентрировала внимание, дернув головой на толпу, идущих в стороне от нас рабочих, специально, так как, показав она рукой, могла бы вызвать новую бурю возмущений. – Они совсем не похожи на нас. Правильно он сказал: «Тебе тут не место...». Нам здесь не место... – Элли сделала паузу, чтобы все поняли, что имела в виду, чтобы не говорить об этом вслух. Они совсем потеряли надежду на возможное счастливое будущее, что все может поменяться к лучшему. Они настолько угнетены, что встали на сторону этого дерьма. Они следовали этой политике и хотят, чтобы все остальные следовали ей, потому что боятся перемен. Этот страх слишком сильно засел в их головах, что стал их убеждением. И я не хочу однажды стать одной из них.

Кустосы провожающие нас до телепортатора, шли впереди нас. Их было немного. Кажется, они совершенно не замечали нашу дерзкую и опасную для нас беседу. Возможно, единственное, что улавливали их уши, было: «Ссс... ссс... ссс». Ну... по крайней мере, мы на это надеялись...

– Все отлично, – скучающим тоном бросила я.

– А что не так? – спросила Элли, сощутив глаза, и посмотрев ими мне прямо в душу. Я виновато пожала плечами. Ее карие глаза, обрамленные пышными ресницами, расширились.

– Просто я видел, что она не очень любит жару. Ее сильно покачивало. Ничего, – сочувственно сказал он и положил руку мне на плечо, – я тоже ее не люблю.

В моих глазах читался немой вопрос: «Откуда он узнал?! Это так заметно?» Фидель посмотрел на Элли и подмигнул. Та улыбнулась уголком рта и закатила глаза, что они стали поддвигаться.

Мы шли в сторону города. Вечерело. Прохладный, совсем невесомый ветер словно гладил меня по оголенным, немного обгоревшим плечам. От обгорания я никогда не чувствовала боли, хотя и у меня светлая кожа.

Оттенок неба был светло-синим, плавным переходом он обволакивал еще не посиневшие участки. Наклоненные от старости зеленые дубы и ивы шелестели на ветру, этот звук всегда звучал как музыка или шепот. Мы по очереди вошли в телепортатор.

Запахи гари, пота, духоты и едких химикатов смешались и ударили в нос. Желудок скрутило. Все начали разбредаться по разным сторонам. Кустосы строим и, как всегда ровным шагом, удалились в сторону здания работы.

– Идем, Фидель! – скомандовал Доминик. – Как же жутко, дружище, я устал. Прямо не хочется до дома доходить. Может быть, отдохнем тут? – он засмеялся.

– Всю жизнь мечтал поспать на асфальте и бетоне! Обожаю! – с сарказмом сказал Фидель, и прыснул со смеху. Шутки конечно у них были нелепые, глупые и порой совсем непонятные нам с Элли. Видимо, дружили они очень давно, что у них

был свой выработанный специфический юмор, похожий на совсем детский, невинный и связанный с их общими воспоминаниями. Когда они общались, образовывалась, какая-то особенная атмосфера, которая, по-видимому, оберегала их от всего того, что происходит вокруг.

Мы разбрелись в разные стороны парами. Но тут Фидель остановился, подбежал ко мне, сжал мою руку и сказал:

– Не расстраивайся, – он похлопал прохладной рукой мое красноватое плечо. И удалился к Доминику.

Я же совершенно обескураженная неожиданностью этого движения, смущенно улыбаясь, не знала, как буду смотреть в глаза Элли от стыда. Я чувствовала ее осуждающий взгляд на себе, но так и не могла посмотреть ей в лицо. Проковыляв к ней, я снова взяла ее за руку. Мы начали вышагивать в такт, словно пара гвардейцев.

– Значит, ты ему все рассказала?

– Да... – Выдохнула я, – как-то так далеко зашел разговор.

– И о чем же вы с ним говорили? – строгим голосом продолжала она.

– Совершенно о разных вещах. Он рассказал мне о своем детстве. Он даже не удивился, когда я ему все рассказала и предложил помощь. Просто я доверилась ему, не знаю от чего, словно рассказала все очень близкому человеку, как родственнику. Он внушает доверие. Фидель выслушал меня и понял. Ты обижаешься на меня? – Я со страхом посмотрела на Элли, которая была подавлена неудачей побега.

– Нет, – резко ответила она, словно эта мысль была недопустимой для нее, – я ведь никогда не обижаюсь на тебя, ты же знаешь, – продолжила она с нежностью и грустью, смотря на меня. – Даже не знаю, что делать дальше... – она судорожно вздохнула.

– Просто надо забыть эту мысль и продолжать жить до самой смерти здесь. – Предложила я.

– Мысль была отличной, – грустно произнесла Элли.

Мы подошли к дому. Когда поднялись на крыльцо нашего маленького домика, то увидели, бабушку и папу, я очень захотела их обнять. Желудок сильно урчал, и хотелось есть, но мы с Элли не подавали вида. Бросившись в объятия папы, я встала на носочки и прижала его к себе. Папа пахнул безопасностью и гарью костра. Я чувствовала, как он улыбался. Мой папа, единственный человек из тех, что я знаю, который умеет улыбаться глазами. Его лицо может быть невозмутимо, а глаза блестеть, словно две звезды и улыбаться.

Когда я прошла в комнату, то я увидела мою бабушку. Я бросилась к ней навстречу. Бабушка пахла мылом и лавандой. Она очень крепко прижала меня к себе.

– Ты работала на ананасовой плантации?! Этот запах невозможно не узнать, – она посмотрела на меня и улыбнулась. – Лучше работы на плантации может быть только работа организации праздничного стола на праздник. То и дело можно что-нибудь съесть.

– Мне понравилось, все так, как ты рассказывала мне в детстве, – с улыбкой произнесла я. И даже познакомилась с новыми друзьями. Жаль, что завтра скорее всего последний день, когда я их увижу.

– Акасра, будь аккуратна с незнакомыми людьми, я тебя прошу, – прошептала бабушка почти неслышным шепотом. – Я боюсь за вас.

Я лишь напугано улыбнулась.

На глаза навернулись слезы. Бабушкин голос. Такой добрый!

– Милая, ты что плачешь? Не случилось ли чего плохого? – с нежностью в голосе спросила она.

– Нет, нет, не переживай, все очень хорошо. Просто я тебя очень люблю, – шмыгнув носом, сказала я. – Пойду-ка на кухню, бабуль.

– Конечно! Иди! Я сейчас подойду.

Пулей, влетев в кухню, я увидела маму и, преодолев, расстояния между нами стиснула ее в крепких объятиях. Мама была удивлена от такого порыва чувств. Но не на секунду не задумываясь, обняла меня с такой же силой. Мама пахла домашним уютом, детством.

Не очень плотно поужинав, я и Элли сидели на своих кроватях, и каждый думал о своем, и я даже не заметила, как уснула. Хотела через сон пожелать спокойной ночи, но сил на это уже не хватило.

– Все! С меня хватит! Что с правительством?! Они нелюди?! Все уже зашло слишком далеко, – начала было орать и рычать от боли Элли. Хорошо, что было шумно, и она в тот момент сильнее заткнула свой нос и рот одеждой, поэтому ее никто не услышал.

– Тссс! Тихо-тихо... уходим отсюда, – мы обе поняли, что так больше не может продолжаться, но с другой стороны были бессильны против всей системы.

Глава 19

Мы подошли к телепортаторам. Там уже была очередь. Все, как всегда, стояли большой серо-зеленой массой и бесчувственно заходили в телепортатор один за другим. Конечно же, кроме знакомой нам компании. Я увидела их издалека, их невозможно было не заметить. Близняшки с такими разными характерами и взглядами на мир, и необыкновенно ярко-желтыми волосами; Доминик – такой высокий и видный, простодушный и вечно веселый, с темно-коричневыми волосами и глубокими, искрящимися светло-голубыми глазами; и Фидель, такой родной и чистый душой человек, на которого можно положиться.

В душе все еще был тяжелый камень после увиденного. Заметив их, мне сразу стало спокойнее. Мы с Элли молча встали в очередь и ждали своей минуты.

Мы прождали больше часа и вот заходим в телепортатор, и уже оказываемся на плантации. Как же здесь хорошо и свежо. Снова легко и свободно дышать. Природа прекрасна и удивительна. Все было шикарно. Природа подарила мне спокойствие и умиротворение. Даже провал плана не мешал моей радости. Вприпрыжку тогда я побежала к домику вместе с Элли. Туда же подходили наши друзья и еще три незнакомых нам парня.

Они тоже отличались от других. Один был словно лед со светлым лицом и белыми волосами, он вел себя странно и очень импульсивно настолько, что нам было непонятно, как до сих пор он остался в живых. Второй хоть и походил на первый взгляд на всю остальную зеленую и болезненную массу нашего города своей грубостью и нелепостью, но что-то в нем отличало от остальных рабочих. В нем была какая-то странность. Третий был не на столько угрюм как второй. Его волосы были черного цвета с синим отливом, лоб все время нахмуренным, а лицо озадаченным. Все привлекало его внимание.

Только лишь мы все зашли в домик за своим снаряжением, как вдруг его окружило большое множество кустосов, и завыл на всю округу оглушающий тревожный сигнал. Все рабочие на улице забегали в панике. Кустосы начали останавливать людей, палить вверх и вырубать их с помощью какого-то прибора, которое приставлялось к затылку. Это были не пистолеты, людям не вышибало голову, и не шла кровь. Они, словно засыпая, падали на землю. Мы подняли руки вверх. Я посмотрела на Фиделя и Элли и от мысли, что из-за меня пострадают все, я начала плакать. Стало жутко и страшно...

Глава 20. Olafur Arnalds – Broken

Все кустосы разошлись в сторону, лишь двое зашли в комнату, связали нас электропутами за руки одной цепью так, чтобы все шли друг за другом. Я не могла справиться с мыслью, что все кончено. Нас рывком подняли с пола и, попробовав подвигать руками в электрической цепи, я получила пульсирующий разряд тока в запястья, от которого подкосились ноги. Кустосы размеренно начали выходить из домика, и мы послушно, ровным строем, пошли за ними в след.

Накрапывал мелкий дождь. Небо было серым. Почти черным. Как погода перед ураганом. Мы, словно пленники, совершившие позорное деяние, спускались с гор плантации с опущенными вниз головами. Мне хотелось закрыть лицо руками, но это было невозможно – руки плотно сцеплялись между собой и другими пленными. Фидель, Элли и Анерис были где-то позади меня. Сразу после меня волочила ноги Сирена, а впереди были совершенно незнакомые нам ребята.

Нас вывели с плантации, за пределы охраняемой зоны, в совершенно дикие, заброшенные леса. Здесь не живут люди. Сюда ходят только кустосы, чтобы разобраться с нарушителями. Погода резко изменилась. Так же быстро изменились и наши жизни. Выглянуло большое и жаркое уходящее солнце. От испаряющейся воды стало очень душно и невозможно дышать. В голове крутились разные мысли: чувство безысходности, скорого конца, страх, пощадите, отпустите, помогите же кто-нибудь.

– Прости-и-и-те меня-я-я! Прост-и-и-ите! – из моих глаз полились слезы, и я закричала словно раненный зверь.

Слышно было, как Анерис тихо и тонко плакала.

– Акасра! – взмолилась та. – Что происходит? Почему кустосы ведут нас на смерть? Почему ты извиняешься? – Ее тоненький голосок утопал в завывании ветра.

– Прости меня, Анерис. Прости меня! – заревела я пуще прежнего, услышав ее голос, словно у младенца.

– Это все из-за тебя! Ты во всем виновата! – кричала Сирена. – Ты несешь смерть! Я ненавижу тебя! ***! – и без того хриплый голос сорвался.

Нецензурные выражения людям, жившим в Колонии, были знакомы очень уж хорошо. Я привыкла слышать их практически всегда, но не все было так плохо. Иногда, целыми днями в моей голове прокручивались незнакомые слова, и я понятия не имела где их услышала, но точно знала их значение.

Все эти люди, будут убиты из-за меня! Эта мысль не давала мне покоя. А родители?! Я упала на землю. Но все продолжали идти. Грязь и камни царапали мое лицо. Я чувствовала, как мою кисть прожигало. И не переставала реветь и задыхаться.

– Вставай! – отчаянно закричал Фидель ринувшись идти быстрее, но только потом он понял, что делает лишь хуже. – Встань!

Из-за меня Сирена и парень спереди шли гуськом и ранили руки. Грязь на моем лице попадала в ранки и ссадины и жгла. Но мне показалось, что мать природа приняла меня в свои объятия, и я не хотела уходить. Вернее, можно сказать, что я потеряла рассудок и начала сходиться с ума. Не было сил встать. Неожиданно кустосы остановились на месте. Мы поняли, что это конец и сейчас раздастся резкая очередь выстрелов, поэтому упали на землю в ожидании своей кончины. Но... нет. Было тихо. Они так и продолжали стоять на месте пока терпение одного из двоих не выдержало. Он очень быстро начал поднимать нас с земли на место. Сердце колотится в груди. Пришлось собраться с силами и продолжить идти. Почему же они так тянут с этим?

«Вы должны быть осторожны, мои девочки... Город этот полон опасностей... Никогда не слушайте надоедливых инструкторов, если их приказы кажутся аморальными... Сделайте вид, что вам плохо... Или еще что-нибудь. Вы же можете, я знаю...» – Крутился у меня в голове успокаивающий голос матери. Ее руки больше никогда не обнимут меня, я никогда не услышу ее смех, не увижу ее лица, не буду чувствовать ее объятий и поцелуев...

– Убейте меня сейчас! Прямо сейчас! Я готова! – кричала я хриплым голосом, в моем горле неприятно першило. Казалось, что по голосовым связкам течет кровь.

Дышать не хотелось вовсе. То ли слезы так сильно душили, что казалось, кислород перестал попадать в легкие сотни лет назад, а оставил там лишь песок, то ли кровь ударила в мозг настолько, что я начала стремительно глупеть. Или всему виной избыточное количество адреналина. Тогда это меня совершенно не заботило, собственно, откуда мне нужно было это знать?

И я просто из-за всех сил задержала дыхание. Будто это могло мне помочь. Паника заслоняла все и вся, мысли металась в голове беспорядочным потоком. Сначала казалось, что я смогу жить и дышать тоже. Воздуха в моей груди много. Потом в ней стало неприятно давить, и сердце прожигала боль. Оно готовилось не биться. По всему телу выступил холодный и липкий пот.

«Продержусь... Сколько... родители... Смерть...» – Больше я не слышала свои мысли полностью.

Но почувствовав, что падаю, я вдохнула душный, затхлый воздух и поплелась дальше. Я не могу усложнить им жизнь еще сильнее.

«Акара, Элли, вы знаете, что мы любим вас, и каждый день предупреждаем вас о том, что жизнь в городе непроста и опасна по своей сущности. Люди давно потеряли свои души» – Говорил отец... Сказки на ночь, веселье. Как он подкидывал нас в воздух, когда приходил с работы... как мерцал тогда свет тусклой лампы. А мама подкрадывалась сзади и обнимала его... Его сильные руки, в кольце которых, ты чувствуешь себя в безопасности... Бабушка?! Я с силой закрыла слезящиеся глаза, в надежде ничего больше не видеть. Открыть глаза и понять, что сейчас обычное утро обычного дня, и я смотрю в серый потолок нашего дома.

«Ох, милые мои, я всегда вас предупреждаю о том, чтобы стараться не попадаться кустам на глаза часто. Ведь вы знаете, что случилось с дедушкой Феликсом. Вы должны оставаться такими же солнечными и яркими. Я люблю вас!» Ее песни, смех, улыбка, глаза, вкус ее рисовой каши, ее кристальные слезы гордости... Прости меня бабушка!

Элли. Ее взгляд, поддержка, советы, секреты, которые она мне рассказывала, ее голос, объятия.

Детство. Я бегала за Элли в детском саду. Элли заливисто смеялась и убегала от меня. Но затем остановилась, села под засохшим деревом, поманила меня к себе и обняла. Рассказывала мне о животных, выдумывала сказки о двух сестрах, которые жили в большом городе. Ее сказки всегда заканчивались хорошо.

Отрочество. Как ее уводили на работу в четырнадцать лет. Я кричала словно бешенная, хватаясь за костюмчик сестры с такой силой, что обламывались ногти. Мама просила меня успокоиться. Отрывали часть моей души. Жизнь теряла смысл с ее исчезновением даже на пару минут. Я сразу ощущала себя одинокой.

Юность. Она рассказывала мне свои секреты, называла красивой, доверяла мне, мы заботились о родных как могли и чувствовали себя нужными.

...Смерть. Вы думаете, что я не знаю, как пройдет моя смерть? Увы... вы ошибаетесь.

Они доведут нас до определенной точки в лесу. Достанут большое оружие, и раздастся выстрел. Эти оружия представляют собой крюки, которые проворачиваются в плоти, создавая огромную алую дыру. Заставляя врагов народа встать на колени. Так мы и умрем. Словно статуи. Наша будет разлагаться...

Я погрузилась в свои мысли не чувствуя как идет тело. Я словно парила над землей. Ноги ныли. Лицо в ранах саднило. Все было поникшими и уже мирились в своих мыслях о скорой кончине. Смерть. Боль. Убийства. Я предательница.

Глава 21

Один кустос впереди, другой сзади нашей цепи. Тут резко заканчивались заросли и открывалось большое поле с высокой желто-зеленой травой. Рядом виднелась стена из деревьев, которая создавала тень, поэтому повсюду пахло мокрой зеленью и свежестью давно прекратившегося дождя. За горизонт заходило красное кровавое вечернее солнце, и по сторонам разливались красно-оранжевые реки. Трава была почти моего роста. Она достигала до ушей и носа, покалывала, щипалась, проникала в обувь и под одежду. От росы наша одежда стала влажной и грязной. Она неприятно прилипала к телу и от ветра нам было холодно.

Подойдя к сплошной линии деревьев, нам стало еще более страшно. Казалось вот он – конец! Каждый из нас прошел через щель между деревьями. Там был пустырь, и вокруг пустыря стройно и плотно стояли березы. Было очень странно, что трава в этой местности была словно покосенной. Кустосы выстроили нас в полукруг, и неожиданно один из кустосов прошел вперед нас на метров пять и высунул из кармана непонятный объект сферической формы. Я вмиг зажмурилась от страха, но, не услышав никаких подозрительных звуков, снова, медленно по очереди открыла глаза. Кустос в это время уже сидел на корточках и устанавливал это устройство. Мы все переглянулись в непонимании.

Он встал и быстро отошел ко второму кустосу. Шар, стоявший на земле, воспарил на метр вверх и из него фонтаном вышли струи света. Они сформировались в большую прямоугольную картину. Мы поняли, что это была голограмма, такие же были у нас на государственном празднике, только эта была намного больше, четче и красивее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.